

ного» содержания его творчества. Идея «народности» стихов Некрасова, закрепленная в 1938 году и крайне важная для предвоенного и военного времени, подхватывается в 1946 году, в самом начале борьбы с космополитизмом. Характерно также подкрепление некоторых положений текстов 1938 года письмами «простых людей», исчезающее к следующему юбилею: если в 1938 году апелляция к народному мнению имеет значение, то в 1946 году она уже не нужна.

В докладах секции были представлены как направления, привычно ассоциирующиеся с публичной историей, так и дисциплины, обращающиеся к ее методам и теоретическим инструментам. Само утверждение о существовании истории в публичном поле позволяет перейти от текстуальности истории к способам ее прочтения. Публичность придает этому полю очертания и позволяет воспринять его в качестве места, в котором общество вырабатывает представления о самом себе.

Варвара Склез

Международная научная конференция

«ЯЗЫК И ЯЗЫКИ ПОЭЗИИ. К 80-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ АЙГИ»

(Институт языкознания РАН, 15–17 октября 2014 г.)

Конференция «Язык и языки поэзии», организованная Центром лингвистических исследований мировой поэзии Института языкознания РАН, была посвящена рецепции наследия Геннадия Айги в современной мировой поэзии, феноменам билингвизма и многоязычия. Очерченные проблемные области привлекли живой интерес более чем пятидесяти ученых из ряда стран Европы. Ключевыми вопросами, обсуждавшимися на заседания первого дня, стали интерпретация поэзии Геннадия Айги и рецепция его творчества в разных культурах; секции второго дня были посвящены исследованию поэтики Айги, а также выявлению особенностей поэтического билингвизма; проблемы соотношения языка философии и языка поэзии в творчестве Айги, феномены двуязычия и многоязычия рассматривались в докладах третьего дня. Одной из ключевых проблем конференции стала рецепция языка поэзии Айги в семиотическом пространстве.

Доклад *Томаша Гланца* (Берлинский университет имени Гумбольдта / Базельский университет) «*(Ино)странный язык поэзии Айги, проблемы и последствия транснационализма*» был посвящен рассмотрению иероглифической составляющей поэтики Айги. По мнению докладчика, отличительной чертой поэтической стратегии Айги является отрефлексированная «транслатология». Под данным понятием докладчик подразумевал особую поэтическую оптику, характеризующую поэтику Айги, которая включает в себя и отношение поэта к переводу европейских текстов на чувашский язык, и его восприятие собственных оригинальных стихов на русском языке, где отдельные слова и высказывания тематизируют границы любого языка. Айги в оригинальных стихах осуществляет своего рода процедуру перевода, благодаря которой слова и высказывания раскрываются на встречу другим языкам и тому пространству, что лежит за пределами языка. Такая процедура перевода обеспечивает причастность к мировой литературе, сформированную ощущением возможности универсального языка и взаимной переводимости с одних языков на другие. При этом возникает поэтика «стыка», обеспечивающая выход языка за пределы самого себя.

Ряд докладов был посвящен проблеме формирования и изменения субъекта поэтического высказывания.

В докладе *Натальи Фатеевой* (ИРЯ РАН) «*К проблеме "субъектности" у Геннадия Айги*» утверждалось, что субъектная перспектива текста во многом опре-

деляется выбором лексико-грамматических форм, а также форм личных местоимений, которые создают «лирический сюжет» стихотворения. Для подтверждения этой гипотезы были рассмотрены ранние тексты поэта, где происходит изменение субъектной перспективы и субъект обладает двусмысленным «осциллирующим» статусом, появляясь в тексте и исчезая.

В докладе *Кирилла Корчагина* (ИРЯ РАН, Москва) «*Снежные поля Геннадия Айги: в поисках новой субъективности*» была рассмотрена связь между поэтическим субъектом и матрицей пространства в стихах раннего Айги. Докладчик выделил ключевые характеристики базового для поэта пространства *поля*, для которого характерны наличие границы и особая позиция наблюдателя, определяющая особенности субъекта этих стихов.

Евгения Сулова (Нижегородский государственный университет) в докладе «*Рефлексивность и концептуализация в языке новейшей русской поэзии*» выделила два базовых показателя рефлексивности поэтического текста — субъективацию и тавтологизацию, первый из которых был рассмотрен на примере стихов Айги.

Доклад *Михаила Мартынова* (Московский педагогический государственный университет) «*Феномен повтора в поэзии Геннадия Айги*» был посвящен лингвистическим и философским аспектам феномена повтора. Докладчик пришел к выводу, что повтор в поэтических текстах Айги имеет нечисловую природу — важна не количественная сторона повторов, а некоторая способность повтора соотноситься с целым поэтического текста, и в этом отношении повтор раскрывается как фрактальная структура. Повторы ничего не аккумулируют: темы и идеи не вырастают одна из другой, а вырастают друг в друга, образуя сложное стихотворное единство. Феномен повтора в поэзии Айги объясняется также и как явление, имеющее некоммуникативный характер и не связанное с имитацией и подражанием.

Денис Ларионов (ИФ РАН) в докладе «*Геннадий Айги и Лида Юсупова: возможность говорить о “единичном”*» рассмотрел сходство и отличие поэтических систем двух поэтов в аспекте реализации в их творчестве одной из ключевых категорий философии Кьеркегора. Поэтический акт Айги связан с обнаружением «не-Я» поэтического субъекта и неизбежностью десубъективации. Подобная десубъективация характерна и для Юсуповой, но получает в ее текстах иное выражение, подкрепленное цитатным характером письма (тексты содержат вставки из документов, других стихотворений и т.д.). Там, где у Айги единичное приобретает религиозные коннотации, у Юсуповой существование индивида определяется властью, а божественная воля преобразуется в трансгрессивную внутреннюю речь.

В двух докладах речь шла о специфике концептуализации чувашезычной и русскоязычной поэтических систем у Айги.

В докладе *Атнера Хузангая* (Чувашский государственный университет) «*Чувашезычная и русскоязычная картины мира у Айги*» были рассмотрены проблемы эволюции и взаимодействия двух языков в творчестве поэта. Для ранних стихов Айги характерно влияние чувашской поэтической традиции, но в середине 1950-х — начале 1960-х годов происходит своего рода «присвоение» поэтом русского языка: именно в эти годы под влиянием как национальной поэтической традиции, так и пастернаковского импрессионизма, символистско-футуристических языковых практик и новейшей французской поэзии формируется зрелая поэтика Айги. Русский язык как бы надстраивается над чувашским языком и топикой, по-прежнему имплицитно присутствующими в текстах поэта.

В докладе *Масанори Гото* (Университет Хоккайдо, Саппоро) «*Не-представление Волги в русских стихотворениях Айги*» был поставлен вопрос о различиях принципов концептуализации в русскоязычной и чувашезычной поэзии Айги. Для русскоязычной поэзии Айги характерны абстрактные концепты (*поле, лес*), в то время как для чувашезычной поэзии — более конкретные (*Волга*).

Учитывая сближение поэтического и философского дискурсов в творчестве Айги, были рассмотрены вопросы рецепции его современной философией.

Хенрике Шталь (Университет Трира) в докладе «*Мистика поэзии Геннадия Айги*» уделила пристальное внимание трансформации мировосприятия поэта

в проекции на эволюцию его поэтики и философских взглядов, а также осуществила попытку реконструкции «кривой» (термин Андрея Белого) мистической поэзии Айги. Говорилось о том, что эволюция мистической поэзии Айги включает четыре фазы. Ранний период (1950–1960-е годы), окрашенный пантеизмом, сменяется в конце 1960-х годов переходом к трансцендентному мировоззрению с увеличивающимся интересом к прежде отвергаемому христианству. Присутствие мистических тем в поэзии Айги больше всего ощущается в стихах 1960–1970-х годов, после чего, в начале 1980-х годов, оно постепенно уходит из его поэзии. Лишь к концу жизни поэт вновь обретает интерес к мистике.

Райнер Грюбель (Ольденбургский университет) в докладе «*Тело Айги. Физика и метафизика тела в стихотворном творчестве Геннадия Айги*» раскрыл ряд семиотико-философских тенденций, характерных для творчества поэта. Отправной точкой рассуждений стала презентация значимых для творчества Айги философских тезисов о телесности. Параллельно с тем, что пустота и молчание все чаще начинают присутствовать в стихах поэта, происходит постепенное исключение из них человеческого тела, но телесность при этом сохраняется в специфическом виде: физический субстрат стиха начинает восприниматься как его тело, и все больше внимания уделяется телесной метафизике. Развивая этот тезис, докладчик выявил значение ключевых концептов Айги (*поле, снег, белый*) и проанализировал особенности графической и фонетической организации имени поэта.

В докладе *Валентины Постоваловой* (ИЯ РАН) «*Слово и молчание в художественном мире Геннадия Айги (опыт теолингвистического осмысления)*» было предложено исследование творчества Айги в аспекте «теолингвистики» — нового направления в языкознании, направленного на изучение взаимосвязи языка и религии. Выбор данного подхода при анализе поэзии Айги связан с тем, что именно теолингвистика позволяет осмыслить некоторые стороны языкотворческой деятельности, значимые для формирования и осмысления религиозно-поэтического дискурса. В докладе утверждалось, что Айги исходил из понимания поэтического («Иоаннического») слова как «Творящего Слова», сохраняющего свою «логосную основу» в различных коммуникативных ситуациях, в том числе при создании «поэзии тишины», обращаясь к «первозданно-высокому языку».

В течение конференции разные докладчики периодически обращались к проблеме соотношения различных типов дискурсов, в частности устного и письменного. Возможность представить Айги как рассказчика и собеседника была предложена в докладе *Владимира Новикова* (МГУ) «*Так говорил Айги...*», в котором был системно представлен устный дискурс поэта. Устная речь Геннадия Айги, отмеченная спонтанностью, разговорной сбивчивостью, резко отличалась от его письменной речи. Для устного дискурса Айги характерны специальные выработанные им полисемантические понятия, такие как «пошлость» (в которой он видел квинтэссенцию постмодернизма), «физиология» и т.д. Устный дискурс Айги характеризовался ориентацией на собеседника, а его излюбленным диалогическим приемом было построение высказывания с опорой на предыдущую фразу собеседника с вычленением в ней ключевого слова.

В докладе *Алексея Шмелева* (ИРЯ РАН) «*“А я-то, дура”: проблема понимания поэтики Геннадия Айги*» были рассмотрены общесемиотические проблемы поэтики Айги, в частности присутствие в текстах Айги нетекстовых элементов, а также вопросы текстологии. Текст Айги является гетерогенным и полисемиотическим объектом, включающим разного рода «вкладки» и вложения, как обозначенные в тексте и предусматривающие некую интерактивность (например, в стихотворении «Взаимодействие»), так и сделанные самим автором для какого-то конкретного адресата, например листок, вложенный в книгу, подаренную поэтом Т.В. Бульгиной и Д.Н. Шмелеву. Кроме того, издания Айги отличаются друг от друга расположением текста на странице, расстоянием между строками, размерами внетекстовых элементов и их цветом. Был сделан вывод об особом принципе издания Айги как проблеме не чисто полиграфической, а текстологической и семиотической. Говорилось о том, что в советское время все эти характеристики не

учитывались и текст печатался очень сжато, без необходимого белого поля, и мог соседствовать на одной странице с другими текстами, что в корне противоречило поэтике Айги.

Доклад *Юрия Орлицкого* (РГГУ) «*Проза поэта Геннадия Айги*» был посвящен анализу стихотворных элементов в прозаических текстах. Айги последовательно метризует «лирические фрагменты» больших эссе (о Хлебникове, Кафке и т.д.), а также включает в стихотворные книги прозаические миниатюры, написанные метризованной или собственно метрической прозой. Для протяженных прозаических текстов (реже — для миниатюр) характерна также «прозиметризация», то есть совмещение в рамках единого целого прозаических и стихотворных фрагментов. Также Айги использует широкий спектр средств визуальной активизации прозаической формы, во многом берущих свое начало в стихотворной культуре. Все это позволяет говорить об особой ритмической природе прозаического наследия писателя.

Доклад *Александра Житенева* (Воронежский государственный университет) «*Поэтика черновика: авантест стихотворения Геннадия Айги “Ницше в Турине”*» был посвящен творческой истории одного из важнейших текстов Айги 1960-х годов — стихотворению «Ницше в Турине». На основе сохранившихся в архиве поэта вариантов и редакций был охарактеризован авантест, проанализированы стратегии работы поэта с рукописью, выявлены содержательные и формальные особенности реализации творческого замысла поэта.

Массимо Маурицио (Туринский университет) в докладе «*Невербальные элементы в поэзии Айги и Сагира*» остановился на сходстве поэтик Геннадия Айги и Генриха Сагира, проявляющемся на формальном уровне в употреблении общих смыслообразующих элементов, интонационных переходах, рассеивающих глубокий смысл, и той характерной неопределенности, которая появляется при обращении к метафизическому.

В докладе *Ларисы Будниченко* (Чувашский государственный университет) «*Пунктуационная интертекстуальность поэзии Геннадия Айги*» были выявлены интертекстуальные связи поэзии Айги с текстами Владимира Маяковского, Марины Цветаевой и Каземира Малевича.

Несколько докладов были посвящены отдельным аспектам генезиса поэтического языка Айги и рассмотрению его творчества в мировом литературном контексте.

В докладе *Ольги Северской* (ИРЯ РАН) «*Айги глазами Леона Робеля — друга, переводчика, исследователя, поэта*» рассматриваются различные аспекты рецепции поэтического языка Айги его биографом и исследователем. Вслед за Робелем докладчица проследила творческую эволюцию Айги от «исповеди», инспирированной Лермонтовым и Маяковским, к «проповеди всего на свете», соотносящейся с французской поэзией и немецкой философией. В докладе было акцентировано понятие «языкового поведения» поэта, которое может быть многовариантным и проявляться в словотворчестве, понятом как прорыв к «абсолюту красоты».

Виллем Вестстейн (Амстердамский университет) в докладе «*Айги и Хлебников*» рассмотрел проблемы преемственности и влияния лингвофилософской концепции Хлебникова на поэтику Айги. Несмотря на глубокий теоретический интерес Айги к работам Хлебникова, возникший уже 1960-е годы и проявившийся в многочисленных теоретических и поэтических работах, посвященных старшему поэту, идиостиль Айги характеризуют иные языковые средства. И хотя характерные для Хлебникова способы словотворчества (контаминация, редеривация, редупликация, конверсия, сращение и др.) ограниченно присутствуют в поэтике Айги, принципиально важным для Айги стало то, что Хлебников был не только новатором в языковом формотворчестве (творцом неологизмов и зауми), но тем, кто дал языку новый, «космический» смысл и «освободил» слово от его коммуникативной функции. По словам докладчика, Айги стремился достичь того же результата, но с помощью иных средств, работая, прежде всего, с графикой и пунктуацией текста.

Данила Давыдов (ГАУГН РАН) в докладе «Традиции Геннадия Айги в новейшей русской поэзии» выявил особенности функционирования поэтического наследия Айги в наши дни, которые заключаются в возникновении мифов о творчестве поэта, наличии отсылок к нему у самых разных авторов и, что самое главное, присутствии поэтических приемов Айги в современной поэтической практике.

В докладе Арсена Мирзаева (Санкт-Петербург) «Геннадий Айги и Ханс Арп. К проблеме билингвизма в европейской литературе XX века» было выявлено влияние социально-биографического контекста на формирование идиостилей поэтов. Сопоставление двух поэтических систем было представлено также в докладе Дмитрия Воробьева (Чувашский государственный университет) «Язык безлюдья в поэзии Геннадия Айги и Тура Ульвена. Опыт сопоставительного исследования».

Во время конференции исследователи обратились к самым разным аспектам проблемы би- и полилингвизма.

Доклад Александра Куделина (ИМЛИ РАН) «Андалузская строфическая поэзия: особый случай межъязыкового взаимодействия в средневековой Европе?» был посвящен особенностям смешанных поэтических систем, существующих в условиях многоязычия (в качестве примера была рассмотрена арабо-романская гибридная строфическая форма). По мнению докладчика, благоприятная языковая обстановка в средневековой Испании обеспечивала контакты христианского и мусульманского миров. Ситуация многоязычия формировалась двумя литературными языками — классическим арабским и классической латынью, двумя народными языками — арабским и вульгарной латынью, а также берберским и еврейским языками. Докладчик обратился к средневековой форме моашиха, популярной на Пиренейском полуострове: основная часть стихотворения, написанного этой формой, создавалась на классическом арабском, а концовка (харча) — либо на диалекте арабского с использованием намеренно простонародной лексики, либо на романских языках. Причем романский стих записывался с помощью арабской или еврейской графики. Художественный эффект достигался столкновением разных поэтических традиций («мужского» лиризма арабской традиции и «женского» лиризма романской) и столкновением разных языков.

В докладе Ирины Чельшевой (ИЯ РАН) «Многоязычие в средневековой романской поэзии» анализировалась проблема многоязычной среды, во многом повлиявшей на развитие поэзии на романских языках. Как отметила докладчица, одной из важных задач для лингвиста является реконструкция той языковой среды, в которой бытовала романская поэзия в Средние века. Наиболее распространенным было латино-романское двуязычие, однако поэтические тексты нередко появлялись там, где сочетались несколько народных языков (например, на одной странице латинского кодекса соседствуют старофранцузская «Кантилена Святой Евлалии» и германские «Тевтонские ритмы»). Итальянская поэзия во многом восходит к сицилийской поэтической школе при дворе Фридриха II на Сицилии, где одновременно бытовали арабский, латинский, греческий, провансальский, немецкий, старофранцузский языки и итальянская народная речь *volgare*.

Семен Парижский (ИСАА МГУ) в докладе «На перекрестке культур: макаронические стихи Иегуды Альхаризи (XIII в.)» проанализировал исключительное не только в истории литературы на иврите, но и в истории арабской литературы трехязычное стихотворение Иегуды Альхаризи (1170—1235): первая треть каждой строки этого текста написана на иврите, вторая — на арабском, третья — на арамейском. Основная проблема заключалась в том, что, казалось бы, порядок языков в каждой строке должен быть иным: иврит — арамейский — арабский. Это соответствовало бы не только хронологии развития еврейской литературы, но и иерархии этих языков: иврит — наиболее сакральный язык, арабский — наименее сакральный. Докладчик приходит к выводу, что арамейские фрагменты стоят в конце строки, поскольку арамейский текст стихотворения представляет собой набор цитат. В силу специфики строения распространенного в арабской и еврейско-арабской поэзии монорима подобрать необходимые с точки зрения рифмы цитаты было сравнительно нетрудно. Ответ на вопрос, почему иврит предшест-

вует арабскому, позволяют найти несколько внешних источников. Альхаризи прибегает к мотиву переодевания как к метафоре перевода: перевод — это смена одежды при сохранении смысла. Автор текста желал бы изменить имеющееся положение вещей, когда арабский — язык служанки Агари — господствует, а иврит — язык госпожи Сары — влачит жалкое существование, и облачить «госпожу» в подобающие ей роскошные одежды, вернуть подобающий ей облик. Тот факт, что в тексте стихотворения иврит помещается на первое место, призван отразить возвращение языку его былого величия. Таким образом, стихотворение выражает веру Альхаризи в лингвистический мессианизм: согласно пророчеству, в конце времен Тора воплотится во всех языках.

В докладе *Александры Полян* (ИСАА МГУ / ИЯ РАН) «*Двуязычие иврит — идиш в поэзии еврейского Просвещения в Восточной Европе*» освещалась проблема двуязычия на примере поэзии еврейского Просвещения в Восточной Европе. Докладчица представила сложные отношения диглоссии, или несбалансированного двуязычия, сложившиеся между ивритом и идишем в еврейском обществе на материале поэзии. Проблемная ситуация связана с тем, что в рамках одной дискурсивной практики — поэзии — сосуществовали два языка с совершенно разным статусом. Иврит концептуализировался как богоданный язык, дарованный людям, чтобы отличать их от животных и уподоблять ангелам, идиш — как язык, который возникает сам собой по естественным причинам, функция иврита в первую очередь символическая и эстетическая, идиша — коммуникативная. Иврит воспринимался как язык, созданный для поэтического творчества (это утверждение подкреплено огромной традицией сочинения высокой поэзии на иврите). Идиш, напротив, — как язык, на котором писать стихи крайне трудно. Данное противопоставление проявляется и в аспекте межъязыковых контактов: если иврит воспринимался как язык, который нужно оберегать и очищать от вредоносных воздействий других языков, то идиш вообще не мыслился как языковая система, как нечто завершенное. Именно подобное восприятие идиша позволило поэзии на нем стать открытой для влияния современной литературы, именно в поэзии на нем появляются новые метрические практики и жанровые формы.

В докладе *Бориса Орехова* (НИУ ВШЭ) «*Стихи в программном коде: современный опыт и методика анализа*» рассматривался особый случай двуязычия в поэзии: в качестве одного из взаимодействующих языков выступает естественный язык (чаще всего английский), в качестве другого — один из языков программирования. В последние годы возникла поддерживаемая профессиональными программистами традиция создавать поэтические тексты непосредственно в коде программ. Как показывает анализ, важным при этом является само представление создателей текстов о поэтическом как категории. Поэтическое может быть локализовано в формальных или в содержательных аспектах текста.

Доклад *Ольги Соколовой* (ИЯ РАН) «*Концепция “универсального слова” в творчестве Юджина Джоласа*» был посвящен анализу поэтической системы этого поэта-мультилингва и редактора многоязычного журнала «transition». На фоне ряда общих лингвофилософских аспектов, отражающих сходство концепций «универсального слова» Джоласа и теории «вселенского языка» и «самовитого слова» русских футуристов, были выделены специфические черты поэтического языка и художественно-эстетической концепции поэта.

Игорь Котюх (Тартуский университет) в докладе «*Феномен двуязычного автора в эстонской литературе*» проследил развитие феномена билингвизма в истории эстонской литературы, рассматривая немецко-эстонский, русско-эстонский и литературно-диалектный случаи. В докладе были представлены примеры билингвизма начиная с текстов XVI века и до стихотворений современных эстонских поэтов. Особо было отмечено, что поэтесса Игора Северянина претерпела существенные изменения в период проживания поэта в Эстонии, во время работы над русскими переводами эстонской поэзии. Сделанное докладчиком наблюдение оказалось созвучно общему тезису, сформулированному в ряде других докладов, об активном воздействии многоязычной среды на язык поэта.

Многие доклады были посвящены анализу творчества поэтов-билингвов.

В докладе Юлии Дрейзис (ИСАА МГУ) «*Билингвизм vs. мультикультурализм: феномен творчества австрало-китайского поэта Оуян Юя*» были рассмотрены стратегии выстраивания мультикультурной идентичности в поэзии современного австрало-китайского автора Оуян Юя (Ouyang Yu). Этот поэт использует различные формы межъязыкового смешения: двуязычие проявляется как в рамках художественного пространства одного произведения, так и внутри одной языковой единицы; элементы другого языка вводятся в ткань иноязычного произведения как чуждые, часто непонятные знаки и т.п.

Доклад Светланы Бочавер (ИЯ РАН) «*Лексическая сочетаемость в поэзии П. Джимферрера*» был посвящен лексическим особенностям испано-каталанского поэта-билингва П. Джимферрера. Одна из черт билингвизма П. Джимферрера связана с нивелированием различий между двумя языками: в целом ряде случаев, если у поэта есть возможность выбирать между испанскими синонимами, выбор делается в пользу того слова, которое фонетически больше похоже на каталанское. Противоположная тенденция обнаруживается в его автопереводах с каталанского на испанский. В этих текстах автор максимально разделяет язык перевода и оригинала, показывая лексические отличия там, где их могло и не быть.

В докладе Марии Тарасовой (ИЯ РАН) «*Билингвизм в оригинальной и переводной поэзии Ники Скандиаки*» были проанализированы особенности реализации билингвизма в оригинальных стихах поэта и выполненных ею переводах. Рассмотрев ряд поэтических примеров, исследователь продемонстрировал, что отличительной чертой идиостиля поэта является смешение стратегий поэта-билингва и поэта-переводчика.

В докладе Лейлы Додыхудоевой (ИЯ РАН) «*О формировании концептуальной лексики в поэзии Насира Хусрава*» анализировалась проблема использования Насиром Хусравом — персидским поэтом и философом XI в., писавшим на персидском языке, — арабских поэтических форм и самого арабского языка. Адаптировав для проповеди поэтическую форму касыды, пришедшую в персидскую поэзию из арабской, Хусрав также разрабатывал религиозно-философские основы шиизма и исмаилизма. Докладчица прослеживает влияние его поэтического языка на культурную традицию: сформированный им корпус религиозной лексики вошел через преемников исмаилитской традиции в религиозно-философский словарь персидского и таджикского языков, а позднее стал использоваться и в миноритарных языках Памира, в частности в поэзии.

В докладе Анны Мурадовой (ИЯ РАН) «*“Барзаза Брейз” Т.Э. де ля Виллемарке: фальшивка или литературная обработка?*» речь шла о сборнике бретонских баллад, вышедшем в свет в 1839 году. Этот сборник был опубликован в период широкого распространения литературных фальшивок, выдаваемых за древние и/или народные произведения. В записанные де ля Виллемарке народные бретонские баллады вносились значительные изменения, которые должны были убедить читателя, что он имеет дело с древними текстами. Иногда эти изменения были анахроничны: так, среди действующих лиц сборника появились друиды, Мерлин, король Артур и его рыцари, неизвестные носителям фольклорной бретонской традиции. Обвинение в литературной мистификации было выдвинуто фольклористами, начавшими работать на территории Бретани в середине XIX века, когда стало очевидно, что де ля Виллемарке внес существенные изменения в тексты народных песен и баллад. Лишь в середине XX века де ля Виллемарке был отчасти реабилитирован: были найдены сделанные им записи песен и баллад, легших в основу сборника.

В программе конференции были представлены выступления, освещающие как общеетеоретические вопросы, так и особенности идиостилей современных поэтов. Так, Дина Никулочева (ИЯ РАН) в докладе «*Языковое “омногомеривание” смыслов в творчестве Вилли Мельникова*» рассматривала языковое творчество «полиглота» Вилли Мельникова как иллюстрацию того, что звуковой и графический

строй множества языков может быть использован как средство творческого выражения поэта. Проанализировав ряд многоязычных стихов поэта, докладчица пришла к выводу, что природа языкового творчества поэта состоит в синестемии — соотношении «соощущения» и «созмоции», механизме, лежащем в основе функционирования речи и остро ощущаемом полиглотами.

Доклад *Екатерины Баклановой* (ИСАА МГУ) «*Филиппино- и англоязычная поэзия Эдгара Маранана*» основывался на сопоставлении двух языковых систем в творчестве филиппинского поэта. По мнению докладчицы, разница между тагало- и англоязычной поэзией Маранана наиболее заметна в выборе тем, форм и субъектно-объектной организации произведений. В большинстве тагалоязычных стихов Маранан обращается к темам филиппинской жизни, что предопределяет активную позицию лирического субъекта; в англоязычной поэзии происходит смещение дейктического центра, а автор предстает как космополит.

Отдельная секция была посвящена проблемам автоперевода и перевода.

В докладе *Владимира Фещенко* (ИЯ РАН) «*Автоперевод поэтического текста как разновидность автокоммуникации*» рассматривались авторские переводы поэзии поэтами-билингвами. Исследователь пришел к выводу, что самостоятельный перевод поэтического текста представляет скорее проблему для автора, чем способ творческого расширения его поэтики, но вместе с тем примеры продуктивных стратегий автоперевода реализуют уникальные модели автокоммуникации в языке и литературе — осуществляют межкультурный трансфер в рамках отдельных текстов-двойников.

В выступлении *Елены Калашиковой* (Москва) «*Русские переводчики художественной литературы и билингвизм*» был продемонстрирован материал интервью с современными переводчиками, который дает представление об аспектах перевода, определяющих деятельность переводчика, в частности о механизмах понимания, оценки и принятия решений во взаимодействии человека и художественного текста.

В докладе *Андрея Вдовиченко* (ИЯ РАН) «*Спонтанная и осознанная интерференция в славянских переводах псалмов. Аспекты вульгарного билингвизма*» была предпринята попытка рассмотреть славянские переводы псалмов в рамках современной коммуникативной парадигмы.

В докладе *Константина Красухина* (ИЯ РАН) «*Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике*» речь шла о хорошо известном феномене в индоевропейской мифопоэтической традиции: разным группам мифологических персонажей присваиваются разные имена. Это нашло воплощение в «Речах Альвиса» («Старшая Эдда»), где указано, как называется то или иное явление у богов (асов), людей, духов (ванов) и великанов (турсов). У Гомера есть три примера того, что один предмет боги называют одним именем, люди — другим; в «Авесте» — около 30 пар «ахуровских» и «дэвовских» имен для одного предмета. По мнению докладчика, это связано, с одной стороны, с принадлежностью лексики к разным стилям, с другой — с представлением об особой, магической силе имени. Именованье предмета эквивалентно его первичной, основной сущности.

В докладе *Вячеслава Захарова* (РГГУ) «*Козовой — русский французский поэт*» была раскрыта специфика творческого метода писателя-эмигранта, в текстах которого взаимодействуют русская и французская традиции.

В докладе *Наталии Азаровой* (ИЯ РАН) «*Многоязычие в языке билингва*» были сведены три основные линии конференции — проблема поэтики Айги, проблема билингвизма и проблема многоязычия в поэзии. Была рассмотрена роль иноязычных инкрустаций в поэзии Айги, поставлена задача проанализировать функционирование иностранного языка в поэзии Айги, а также определить роль многоязычия в поэтическом мышлении билингва. Иностраный язык у Айги выступает в том числе как способ кодирования запретной в разных смыслах (или сакральной) тематики, причем поэт превращает в художественный прием обычную практику хеджирования билингвов. В мышлении поэта-билингва облегчается переход к другим языкам (языков всегда больше, чем два). Билингву нужен третий язык,

который выступает как посредник между первыми двумя языками и всеми остальными языками. Для Айги третьим языком, который участвует в культурном трансфере, был французский. Другие языки для Айги — это всегда мост в надязык. Для его поэтики характерны образования типа *Religio-Narod*, подразумевающие нейтрализацию грамматических категорий и конкретной языковой принадлежности. Ориентация на универсальный язык требует не только обеспечить абсолютную переводимость через нейтрализацию характерных категорий, например рода и падежа, но и возможность восприятия иностранного текста без перевода.

Вопросы, связанные с изменением «образа языка», трансформацией субъективации и сменой адресованности поэтического текста, возникающие в зависимости от смены языка, обсуждались на «круглом столе» «Рецепция многоязычия поэтами-билингвами», модераторами которого были *Кирилл Корчагин* и *Евгения Суслова*. К участию в «круглом столе» были приглашены филологи и поэты-билингвы *Елена Зейферт* (немецкий — русский), *Ян Каплинский* (эстонский — русский) и *Гали-Дана Зингер* (иврит — русский).

*Наталья Азарова,
Ольга Соколова*

Международная конференция
«ИСААК БАБЕЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: XXI ВЕК»

(Государственный литературный музей, 23–26 июня 2014 г.)

Конференция «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» была организована Институтом мировой литературы имени А.М. Горького, Государственным литературным музеем и Еврейским музеем и центром толерантности. В научном форуме приняли участие филологи, переводчики, искусствоведы из России, Германии, Грузии, Израиля, США, Украины и Франции. Специально на конференцию из США приехали дочь писателя Л.И. Бабель и его внук А.А. Малаев-Бабель. На пяти пленарных заседаниях прозвучало двадцать восемь докладов.

Первое пленарное заседание открылось докладом *Е.И. Погорельской* (Государственный литературный музей, Москва), посвященным текстологии и источникам реального комментария к конармейскому циклу Бабеля. Текстологические проблемы тесно связаны с сюжетно-композиционными особенностями «Конармии», а реальный комментарий — с творческим методом ее автора. Важнейшая из возникающих здесь текстологических проблем — выбор источника, по которому воспроизводится «Конармия», и главный, хотя и не единственный вопрос — включать или нет в основной корпус рассказ «Аргамак»: «Конармия» без «Аргамака» и «Конармия» с «Аргамаком» — это две разные не только в композиционном, но и в сюжетном отношении книги. В докладе также освещались другие вопросы текстологии «Конармии», как, например, необходимость избавления текстов конармейских рассказов от ряда устойчивых опечаток, возникших либо в последних прижизненных версиях книги, либо в первом посмертном сборнике писателя (1957) и перешедших во все российские издания.

З. Бар-Селла (Иерусалим) в докладе «*Иосиф Ужасный (от текстологии к композиции)*» остановился на четырех версиях новеллы «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионныча», изучение которых свидетельствует о том, что все они являются непосредственным отражением одного источника, разночтения в котором вызваны цензурным и редакторским вмешательством. Наличие литературных аллюзий (на «Полтаву» и «Медный всадник») позволяет предположить, что но-